

Москва бандитская

Автор:

[Николай Модестов](#)

Москва бандитская

Николай Модестов

Настоящие преступники

Журналист Николай Модестов собрал самые громкие уголовные дела и сопроводил их фотографиями, чтобы создать яркую и пугающую картину столицы конца прошлого века. Самые опасные бандиты, блатные, лидеры преступных группировок, киллеры – все они в «Москве бандитской».

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Николай Модестов

Москва бандитская. Документальная хроника криминального беспредела 80—90-х годов

© Модестов Н.С., 2023

© Издание. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2023

© Оформление. Т8 Издательские технологии, 2023

Сага о лихих девяностых

Книга, переиздание которой читатель держит в руках, стала первым в новой российской журналистике опытом создания антологии криминального мира. Ее успех был вполне предсказуем. Но и он превзошел все ожидания. Публикация «Москвы бандитской» буквально взорвала книжный рынок нон-фикшн.

Реализуя новый проект, издатели решили подстраховаться. Все же первый опыт жанра. Поэтому перед выпуском тиража (немалого даже для того времени, а уж сегодня кажущегося просто нереальным – только первый завод составил 50 тысяч экземпляров) издатели пошли на небольшую уловку. Был запущен слух, что первый тираж книги полностью сгорел на складе издательства в Подольске. И в продажу попадут жалкие остатки тиража. Дескать, успеете стать счастливыми обладателями...

Предусмотрели издатели и «разогрев» потенциальных потребителей криминального чтива. В двух столичных газетах были опубликованы отрывки из книги. Главы о лидерах преступного мира и истории чеченской группировки в столице не остались незамеченными. Но все это оказалось излишним.

Тираж разошелся меньше чем за месяц. Рынок на «Олимпийском» ежедневно продавал сотни экземпляров. Книги брали пачками. И порой ситуации выглядели анекдотично.

Автору рассказывали, как к книжному развальчику у входа в метро «Тульская» (в девяностых годах книжные лотки можно было найти почти у каждого входа в метро) утром подкатил черный БМВ с тонированными стеклами. Из него вышел мрачного вида парень – темные брюки, темная рубашка с закатанными по локоть рукавами, блестящие черные штиблеты и толстая золотая цепь на бычьей шее. Парень подошел к лотку, взял в руки «Москву бандитскую», полистал фотографии, нашел свою. После чего, не говоря ни слова, купил три пачки книг, загрузил в багажник и уехал.

После первого тиража было множество допечаток. Учитывая условность обозначений выходных данных и плохо контролируемый рынок, реальную цифру назвать трудно. Но в лидерах бестселлеров, публикуемых в те годы

еженедельником «Книжное обозрение», «Москва бандитская» продержалась целый год. И на второй год входила в пятерку самых продаваемых книг Москвы. Книга была переведена на европейские языки. Особенности развития страны неограниченных возможностей интересовали всех.

Автор также ощутил на себе популярность написанного труда. Некоторые читатели хотели высказать автору свое мнение о прочитанном. И форма таких «рецензий» иногда немного напрягала. Из-за этого автору пришлось трижды менять номер домашнего телефона.

После выхода книги в свет герои колонок криминальной хроники перестали быть безвестными анонимами. Они впервые ощутили себя персонажами книг, почти историческими личностями. Но не только их тщеславие определило успех книги. Маргинальный мир, находившийся в советское время как бы в «невидимом Зазеркалье», впервые признавался реально существующей силой. Он стал весомой частью социума. Никогда раньше в истории государства криминал не оказывал такого влияния на быт и повседневную жизнь. Он стал реальной силой, прямым участником большой политики.

Вместе с исчезновением государственной цензуры и тотального контроля информации неузнаваемо изменилась и медиасфера. Хэдлайнерами и ньюсмейкерами стали не звезды кино и эстрады, не ученые, не спортсмены. Главными поставщиками сенсаций и новостей стали воры в законе, криминальные авторитеты, разбойники и налетчики.

Часто сравнивают лихие девяностые с временами бутлегерства и гангстерского Чикаго. Трудно сказать, где было веселее. В ельцинской Москве девяностых или Чикаго тридцатых годов. Мне кажется, что сравнение будет в нашу пользу.

Тот, кто жил в те годы, подтвердит: государства не было. Была территория. Был огромный стихийный криминальный рынок. Его успешно с аппетитом дербанили олигархи (тогда еще молодые и такие уверенные в себе) и родственники Ельцина.

Девяностые переписали все криминальные рекорды – по числу убийств, похищений людей, криминальных разборок, финансовых махинаций. Достаточно сказать, что только официально в Москве регистрировалось до трех тысяч убийств. Для сравнения: сегодня в разросшейся до 13 миллионов столице число

убийств не превышает тысячи.

В девяностых перестали удивлять уличные перестрелки, похищения людей, в том числе младенцев. Рекордсменом киднепинга стала восьмимесячная Настя Краснобаева. Ее похитили с целью получения выкупа у родителей, занимавшихся бизнесом. Главным аргументом криминальной дипломатии стали взрывы. В один из дней в филиалах известного московского банка «Лефортовский» одновременно сработало три взрывных устройства. Так братва решала спорные вопросы. Разве не достойный показатель уровня преступности?

Банковские пирамиды организовывали госчиновники, а крышевали их спецслужбы и милиция. Распродавались стратегические ресурсы, градообразующие предприятия скупались по цене деревенских лабазов, за границу вывозились уникальные технологии и ресурсы. Мир криминала, лидеры преступного мира были здесь катализатором экономических изменений. И вору в законе играли в этих процессах самую важную роль.

Книга рассказывает не только о главарях уголовных сообществ. Вору в законе, контролировавшие целые регионы и способные «разморозить» любую тюрьму, изолятор или зону, преступные авторитеты, рекордсмены-домушники, угонщики, промышлявшие кражами vip-лимузинов, киллеры, исполнявшие заказные убийства миллионеров и банкиров, душегубы, отбирившие квартиры у беспомощных одиноких стариков, проститутки-клофелинщицы... Читателю интересно будет сравнить криминальные угрозы того времени с нынешними.

Конечно, очень многое изменилось. Сыщики девяностых имели в арсенале борьбы с преступностью, как шутят они сами, лишь блокнот и ручку. Сегодняшние опера имеют другие возможности. В их распоряжении сотни тысяч видеокамер, контролируемый трафик телефонных переговоров, электронные системы распознавания лиц, технологии, позволяющие отслеживать финансовые потоки. Поможет ли это контролировать ситуацию в мегаполисе, где стремительно растет этническая преступность, остаются нерешенными серьезные экономические проблемы, все труднее контролировать территорию разрастающегося мегаполиса? Ответ на этот вопрос мы узнаем скоро.

Упомянутые в книге события и имена кажутся ушедшими в прошлое. Но оно совсем рядом.

Недавно автор этих строк навещал могилы родных на Ваганьковском кладбище. Старинный московский погост, где покоится прах многих замечательных людей, стал местом упокоения и вора в законе Вячеслава Иванькова – самого уважаемого лидера преступного мира России. Пожалуй, никто из воров в законе не имеет такой удивительной биографии, похожей на сюжет романиста Дюма.

Найти могилу на бескрайнем старинном кладбище нелегко. Увидев работника кладбища, я спросил: «Где могила Иванькова?» Молодой парень, даже не повернув головы, не дожидаясь, когда я до конца произнесу фамилию Иваньков, тут же ответил: «Участок 52». Это я к тому, что прошлое только кажется далеким. Осознаем мы это или нет, мы связаны с ним неразрывно. Ведь настоящее – лишь мгновение между вчерашним и завтрашним днем.

Из тени в свет перелетая

Немногие из счастливых, зачитывавших до лохмотьев появившийся в конце семидесятых самиздатский перевод гангстерского романа Марио Пьюзо «Крестный отец», догадывались, что российская реальность не менее крута и колоритна. В стране, впервые за послевоенное время, вновь возрождались воровские традиции, возникли дерзкие и многочисленные бандформирования со своими отечественными «донами корлеоне».

О происходящем не имели представления не только рядовые граждане, но и милиционеры. Большинство населения свято верило в поступательное движение социализма, ориентировалось на официальную пропаганду, уверявшую, что скоро преступность будет окончательно побеждена. Мой друг, возглавляющий ныне одно из ключевых подразделений МВД, рассказывал, как еще в семидесятых годах, учась в Омской высшей школе милиции, он дискутировал с товарищами: застанут ли они после получения дипломов настоящих карманников и квартирных воров? Или новоиспеченным милиционерам их будут демонстрировать как наглядные пособия? Понятно, что в такой обстановке о латентной преступности, бандитизме и подпольных мультимиллионерах речь просто не заходила.

Между тем именно тогда был заложен фундамент для возникновения чисто российского феномена, о котором сейчас спорят ученые-криминологи: почему отечественные мафиози основной доход получают, обеспечивая так называемую крышу бизнесменам, банкирам, владельцам магазинов, рынков и ресторанов? Ведь во всех странах, где преступность представлена в организованных формах (США, Японии, Италии и нескольких государствах Латинской Америки), большая часть поступлений в криминальные сообщества идет от торговли наркотиками, оружием, контроля секс-индустрии – традиционных сфер влияния мафиозных кланов.

Объяснение кроется в особенностях развития национальной экономики. В огромной постгулаговской империи всеобщая секретность и зашоренность населения была на руку не только управляющему госаппарату, но и тем, кто разворачивался за рамками закона. Страна, где центром планировалось все и вся, постепенно оттаивала от страха перед регулярными сталинскими чистками. Формировался слой чиновников-взяточников, как теперь принято говорить – коррупционеров, охотно использовавших свои полномочия в корыстных целях.

Изобретать велосипед не пришлось. Система приписок и круговой поруки существовала и безотказно действовала еще при Сталине. Ее показал Александр Солженицын в главе «На чем стоит Архипелаг» третьей части исследования «Архипелаг ГУЛаг». Тухта, или приписки, по которым формировались народнохозяйственные сводки Минлеса, в те годы помогали выживать заключенным на лесоповале, добиваться наград их конвоирам и успешно отчитываться министерским чиновникам. Система получила, по мнению писателя, общегосударственное распространение. После разрушения ГУЛага она сохранилась, но приобрела совершенно иное значение. Теперь приписки, фальсификация документов, двойная бухгалтерия помогали не выживать, а наживаться.

Процесс облегчался двумя факторами – гипертрофированной централизованностью экономики и огромным бюрократическим аппаратом. От чиновников бесчисленных министерств и главков зависели распределение материальных и людских ресурсов, финансирование, объемы государственных заданий и оценка работы целых отраслей. Они могли протолкнуть нужный документ, в выгодном свете представить бесперспективный проект, «помочь» высокому руководству разобраться в кадровом вопросе. Главное – проситель,

ходатай или снабженец должен был знать, к кому подойти и сколько дать... Чиновники рисковали сознательно и небескорыстно, стимулировали хищения, взяточничество и спекуляцию.

В семидесятых годах появились первые подпольные цеха и даже предприятия, гнавшие левую, никем не учитываемую продукцию. Дельцы теневого бизнеса ворочали миллионами, подкупая нужных людей и освобождаясь от строптивых. Во многих регионах заготовка и переработка хлопка, мясная и лесная промышленность, сельское хозяйство, государственная торговля и общественное питание контролировались семейными кланами или группами руководителей. Между ними распределялись размеры прибыли, жестко закреплялись конкретные функции для бесперебойной работы подпольных производств.

Масштабы тех хищений в основном несопоставимы с нынешними[1 - Здесь и далее упоминание дат относится к первому изданию 1996 года.], но на фоне бедного и уравниного в возможностях населения позволяли цеховикам сколачивать колоссальные состояния. «Волки-санитары» уголовной среды сориентировались в изменившейся экономической ситуации быстрее, чем милиция и налоговая инспекция. Амнистированные или вышедшие на свободу воры в законе и откровенные убийцы сразу нашли взаимопонимание – возникли банды новой формации. Жертвами вооруженных налетов становились воротилы теневого бизнеса. Причем в средствах устрашения преступники себя не ограничивали – пытали и насиловали женщин, похищали и убивали детей. Бандиты прекрасно понимали – потерпевший в прокуратуру не побежит. Потому что, объяснив происхождение нажитых миллионов, он получит срок да еще станет смертельным врагом рассекреченных компаньонов. По такому принципу действовала в Москве банда вора в законе Монгола, а позже его «крестника» и последователя Японца.

Каждый, кто добывал средства нелегальным путем, попадал в поле зрения лидеров уголовного мира и вставал перед выбором – платить в воровской общак или брать на полный пансион бригаду «быков»-охранников либо жить в постоянном страхе перед наездом со стороны бандитов. Естественно, большинство выбирало первый путь, регулярно отчисляя деньги на нужды братвы. Оперативные службы сумели задокументировать историческое событие, которое можно считать днем рождения отечественной мафии. В Кисловодске в 1979 году, на сходке цеховиков и съехавшихся туда со всего Союза воров в законе, была принята договоренность об отчислении в воровской общак десяти

процентов прибыли подпольных коммерсантов. Причем со своей стороны уголовные авторитеты, заинтересованные в стабильности доходов, обещали теневикам защиту и помощь в конфликтных ситуациях, вызывались принимать участие в реализации продукции и налаживании контактов с представителями государственной власти.

Все эти процессы шли в стороне от официально регистрируемой борьбы с преступностью. Милиция, такая же нищая и ограниченная в возможностях, как сегодня, не имела сил реально контролировать теневые процессы в экономике. Всемогущий КГБ, знавший о происходящем, использовал поступающую информацию и информаторов в своих специфических целях. Последнее обстоятельство во многом объясняет безболезненное вживание рожденного сталинским режимом монстра госбезопасности в изменившиеся политико-экономические условия сегодняшней России.

Тем не менее редкие рецидивы – громкие уголовные дела, связанные с известными всей стране деятелями государственного масштаба, – давали некоторое представление о подспудно идущих процессах. Дело о взятках в Министерстве рыбного хозяйства СССР и связанные с ним многочисленные аресты, разоблачение главы столичной торговли Трегубова и директоров крупнейших московских магазинов, дела партийных бонз Рашидова, Кунаева, Медунова, история ареста брежневского зятя – второго лица МВД Чурбанова, самоубийство министра внутренних дел Щелокова... Эти факты предоставляли пищу для размышлений, но серьезность криминальной деформации общества не отражали. Тем более каждое из вышеназванных дел не объяснялось целенаправленными попытками изменить ситуацию, а было лишь отголоском партийно-придворных интриг и сведением личных счетов.

К середине восьмидесятых политическая и физическая дряхлость кремлевских старцев подготовила почву для серьезных перемен. Их наступление ощущалось повсюду – от содержания песен идолов молодежи до резко увеличившейся активности партийно-хозяйственных функционеров второго эшелона власти. Еще задолго до горбачевской перестройки автор этих строк в личной беседе с сыном арестованного за хищение в особо крупных размерах директора базы услышал неожиданный прогноз: «В ближайшее время будет разрешено открывать частные предприятия – рестораны, кафе, мелкие производства...» К словам собеседника я отнесся скептически – шел 1982 год.

Можно ли было предвидеть то, что теперь называют криминальной революцией? Александр Гуров, впервые заговоривший о существовании организованной преступности в СССР, такие прогнозы делал. Но кто его слышал?

Между тем скопившие чудовищные капиталы и обросшие всесильными связями директора торговых, посреднических и производственных предприятий, снабженцы, опытные, имеющие выходы за рубеж антиквары и валютчики, связанные с теневой экономикой воры в законе и авторитеты уголовного мира, коррумпированные чиновники и партаппаратчики стали самостоятельным фактором, определяющим расстановку сил и в экономике, и в политике. Готовившиеся в стране реформы должны были идти по их сценарию и командам.

Больших усилий для раскачивания лодки делать было не надо. Вожди, привыкшие жить в умеренной, но достаточной роскоши (распределители, привилегированные санатории, заграникомандировки и другие формы нигде не афишируемого гособеспечения), вырастили детей, захотевших сделать свой быт еще роскошней. Программа реформирования экономики богатейшей страны в полном законодательно-правовом вакууме устраивала и тех, кто, не имея прямого доступа к рычагам власти, владел огромными денежными средствами, и тех, кто, обладая властью, рвался к богатству и достатку.

Вторая оттепель, нареченная перестройкой, стала долгожданной весной прежде всего для уже имевших теневой капитал подпольных Ротшильдов. Предприниматели новой волны, которые преподносились как буревестники экономических преобразований, на самом деле прибыли если и не к шапочному разбору, то и не к началу торгов. Правила игры в бизнесе определяли окруженные собственными «силовыми структурами» цеховики и воры в законе. Перед потянувшимися в перестроечный бизнес возникла проблема выживания. Ситуация усугублялась тем, что кооперативное движение (с которого началась реформа экономики) находилось под бережной опекой партийных структур. Фактически любой кооператор или фермер оказывался вне критики и получал своеобразную индульгенцию, защищавшую даже в случае явного пренебрежения законом. Ни милиция, ни прокуратура не осмеливались идти вразрез с одобренной наверху государственной политикой, и в кооперативное движение потянулись откровенные уголовники и ворье.

Декларированная «первым ленинцем» европеизация СССР регламентировалась устаревшими на тридцать лет сталинскими правовыми нормами и брежневской

(застойной) конституцией. Демагогические призывы застрельщика перестройки типа «разрешено все, что не запрещено» нанесли непоправимый удар по общественному правосознанию. Подпольные миллионеры мягко переместились из тени в свет, защищенные, как и прежде, не законом, а собственными бандитскими крышами. У начинавшего дело коммерсанта выбора не оставалось. Он должен был принимать специфические условия ведения бизнеса в России. От этого зависел не успех его предприятия, а сама жизнь.

К началу девяностых годов криминализация экономики достигла невиданного размаха, в сравнении с которым вчерашние махинаторы и цеховики казались жалкими воришками. В уголовных делах о хищениях фигурировали десятки миллиардов рублей, мелькали фамилии новаторов нового мышления и высокопоставленных правительственных функционеров. За бесценно продавались стратегическое сырье, военная техника, энергоносители, лес, лицензии на разработку месторождений. Банки проводили аферы с авизовками, перекачивая на Запад миллионы долларов, с молчаливого попустительства государственных чиновников процветали финансовые пирамиды, доводившие обманутых вкладчиков до самоубийств и угроз террористических актов. На фальшивых аукционах по смехотворным ценам скупались индустриальные гиганты мирового масштаба, а коррупция приняла такие размеры, что бывший мэр столицы Г. Попов предложил регламентировать вздоимство и тем самым решить проблему взяток.

Между тем закон бездействовал. Обещавшие стать громкими дела разваливались в ходе следствия, а получившие известность авантюристы становились депутатами Госдумы. Фемида довольствовалась разоблачением мелких взяточников и громогласными заверениями очередного генерального прокурора или министра навести в стране порядок. Общество эти призывы игнорировало. Зато все чаще звучали выстрелы и взрывы, жертвами убийц становились директора крупных предприятий и фирм, видные банкиры и политические деятели. Генералы ошарашивали числом действующих на территории России преступных группировок, газеты публиковали жизнеописания знаменитых киллеров охотнее, чем предвыборные биографии независимых кандидатов, а результаты опросов общественного мнения констатировали: больше всего люди боятся входить в собственные подъезды.

Наступило золотое время для бандитских группировок. Его величество рэкет накрыл прочной непробиваемой крышей всю российскую экономику. Москва,

контролировавшая основные денежные потоки, распоряжавшаяся фондами министерств, имевшая не поддающийся оценке потенциал закрытых производств и конструкторских бюро военно-промышленного комплекса, оказалась на особом счету у рэкетиров и преступных формирований. Поэтому вполне естественно, что первое дело по факту квалифицированного вымогательства, получившее всесоюзный резонанс, было расследовано московской милицией.

Деньги для тех, кто наверху

Завершение этого дела потребовало от милиции беспрецедентных мер предосторожности. В течение двенадцати месяцев с момента ареста Нухаева, Атлангериева и Лобжанидзе и до вынесения приговора судом оперативники Петровки, 38 вынуждены были круглосуточно охранять потерпевшего и свидетелей. Еще бы! Впервые на скамье подсудимых оказались не рядовые рэкетеры-исполнители, а «крестные отцы» самой свирепой из столичных преступных группировок – чеченской. Хотя вначале история разворачивалась идиллически и не предвещала никаких осложнений.

Днем в ворота кооперативного колбасного цеха под Можайском въехала новенькая белая «Волга». Из автомобиля вышел смуглый молодой человек и, заглянув в здание конторы, пригласил начальника производства Дащяна выйти на два слова. Сначала беседа шла во дворе цеха. Затем Дащяну предложили сесть в машину.

Из показаний потерпевшего:

«В машине находились еще двое мужчин. Один назвался Геной, другой – Хожей. Начал разговор Гена, произносивший слова с явным акцентом. Он поинтересовался, как у меня идут дела на работе, в семье, не беспокоит ли кто. Я удивился: кто меня должен беспокоить? И никак не мог понять, откуда эти люди – вежливые, хорошо одетые. Мое недоумение разрешил Гена. Он сказал,

что в связи со сложившимся внутригосударственным положением кооператоры, цеховики и дельцы теневой экономики должны оказать помощь тем, кто находится наверху».

Дащян предложил визитерам компромисс – устроить на должность кладовщика их человека. Но вступивший в диалог Хожа был категоричен: «Это не наш вопрос. Делай, как тебе говорят». А Гена добавил тоном, не обещавшим ничего хорошего: «Мы знаем больше, чем ты думаешь. Слышали – любишь жену, детей, нуков. Человек ты умный, рассудительный, поспешных действий предпринимать не захочешь. Будь паинькой, не усложняй себе жизнь...»

Условия сделки оказались таковы. Пятьдесят тысяч рублей (по ценам 1990 года сумма более чем солидная) нужно передать вымогателям в московском кафе «Лазания» в ближайший выходной. Как выразился Гена: «Нас нужно подогреть». А затем выплачивать установленную сумму ежемесячно. Что будет в случае отказа, рэкетеры не уточняли, но предложили разузнать о них в столице: мы, дескать, люди известные.

Из справки-меморандума: «Атлангериег (кличка Руслан) и Нухаев (кличка Хожа) являются лидерами „лазанского“ крыла чеченской преступной группировки. Оба имеют судимости за разбой. Хожа судим дважды – второй раз за квартирную кражу. Контролируют торговые точки Тимирязевского района, кооперативные палатки, кафе и аттракционы Центральном парке культуры и отдыха, ряд коммерческих структур. Места сбора членов группировки – ресторан „Лазания“ на Пятницкой улице и плавучий ресторан „Бургас“ на обводном канале около Малого Каменного моста».

Первым шагом Дащяна после отъезда непрошенных гостей был визит в районный отдел милиции. Там его выслушали и предложили написать заявление. Он торопиться не стал, подумал, а когда остыл, понял – заявлять рискованно. О жестокости чеченцев и их методах убеждения шла нехорошая слава. Так, знакомый владелец частного магазина в центре Москвы, узнав о случившемся, по-дружески дал совет: «Слушай, это настоящее зверье. Они второй раз сами не поедут – пришлют своих головорезов. И не помогут ни милиция, ни прокуратура. Лучше отдай – и спи спокойно...»

Дашян с одобрения жены набрал 20 тысяч рублей (рэкетеры согласны были принять деньги частями) и в субботу отправился в Москву. В кафе «Лазания» кооператора поджидал уже знакомый Гена. В «лазанской» группировке абхазец Геннадий Лобжанидзе, имевший три судимости – за кражу, изнасилование и мошенничество, – занимал более скромное положение, чем его дружки – чеченцы Хожа и Руслан. Но не был он и простым «быком». Любитель покурить «травку», азартный картежник и завсегдатай ресторанов, Лобжанидзе, известный в определенных кругах как Гена Шрам, считался особо доверенным лицом. Привезенный «долг» – двадцать тысяч рублей – он, не пересчитывая, сунул в карман и щелкнул пальцами в сторону официанта: «Шампанского!» Пока ожидали заказ, Дашян осматривался по сторонам.

За одним из столиков сидели Хожа с Русланом. Пришедшие в кафе первым делом подходили к ним, внимательно, с почтением выслушивали и лишь после этого искали глазами свободные места. «Крестные отцы» вели рабочий прием. Дашян своими глазами убедился, что приезжавшие к нему действительно люди авторитетные.

Почему они засветились на банальном рэжете? Ведь обычно дела такого рода решаются на уровне «шестерок»-боевиков, в крайнем случае бригадиров. Вероятно, вымогатели были настолько уверены в беспроигрышности «наезда» на кооператора, что даже не потрудились подстраховаться. К тому же поездка из душной летней Москвы в зеленый район Подмосковья представлялась приятным и необременительным развлечением. Шашлык на природе, вино, новые впечатления... Так или иначе ошибка, допущенная главарями «лазанской» группировки, облегчила задачу их задержания и позволила впервые взять с поличным мафиози такого уровня.

Выпив с кооператором по бокалу шампанского, Гена Шрам поинтересовался, когда тот намерен произвести окончательный расчет. Дашян попытался сыграть на жалости: деньги еле наскреб, не разоряйте, мол, полностью. Но Лобжанидзе дал понять, что разговоры в пользу бедных в «Лазании» не ведутся. Тогда Дашян вспомнил о своем приятеле, задолжавшем ему 26 тысяч. Если бы Гена и его друзья помогли вернуть долг... «Нет проблем», – мгновенно откликнулся Лобжанидзе и, уточнив адрес приятеля, попрощался. А через два дня Дашян вновь смог убедиться в силе Руслана и компании. Поздно вечером к нему приехал задолжавший знакомый, бледный, с бегающими глазами, протянул шестнадцать тысяч рублей и уникальную золотую брошь с бриллиантами, стоившую никак не меньше десяти тысяч. «Зачем же так, – с упреком произнес

он, – неужели обязательно было чеченцев подключать?»

В ближайший выходной шестнадцать тысяч и ювелирное украшение перекочевали в «Лазанию». По расчетам Дащяна, долг был погашен. Но вымогатели такую арифметику не признавали. «В зачет идет половина, – сказал Гена Шрам, – остальное – оплата услуг по возврату денег». Кооператор попросил скидку, но чеченцы уступить отказались. Тогда жена Дащяна слетала в Армению и заняла у родных недостающую сумму. Последние тысячи Хожа получил из рук жертвы в такси, подъехав в условленное место.

Брали рэкетиров ранним утром в воскресенье. Группы из сотрудников МУРа, ОМОНа, технических служб (велась видеосъемка) по команде с Петровки начали совместную операцию сразу по пяти адресам, где могли скрываться преступники. Обошлось без выстрелов. Опытные Атлангериев, Нухаев и Лобжанидзе имели достаточно возможностей досконально изучить Уголовный кодекс, знали свои права и права милиции. Хожа и вовсе бывший студент юридического факультета МГУ, без пяти минут правовед...

Интересная подробность, характеризующая место «лазанских» авторитетов в иерархии преступного мира: Хожа и Руслан, сидевшие в следственном изоляторе, являлись на допросы и очные ставки свежими, наглаженными, спокойными. И это при общеизвестной переполненности и, мягко говоря, некомфортности знаменитой Бутырской тюрьмы, не знавшей серьезного ремонта с начала века. Кстати, оба они не курили и не пили. Атлангериев, например, читал в камере философские произведения, охотно разглагольствовал перед следователем о превратностях бытия и бренности мирского существования. Такую же линию поведения выбрали подельники Руслана. Они отрицали все, не признавали ни одного самого очевидного факта. Поначалу даже делали вид, что не знают друг друга. Память им освежили оперативная видеосъемка приема в «Лазании», а также фотографии, изъятые на обысках. Пришлось-таки познакомиться.

При аресте, кроме «джентльменского набора» – видеомагнитофонов и огромных японских телевизоров (напомню, что в то время подобная роскошь была доступна очень немногим), – изъяты пачки денег в банковских упаковках, золото и ювелирные изделия, шубы, иконы, антиквариат. Но в целом лидеры «лазанской» группировки жили скромно. Видимо, наверх уплывало немало добытого. Они этого и не отрицали, иногда, не для протокола, оживляя беседу

со следователем описанием своих «подвигов». А потом, спокойно улыбаясь, заявляли: «А ты докажи, начальник!»

Объявились заступники обвиняемой в вымогательстве троицы. Уважаемые, занимающие высокие посты в чеченской администрации (один из них – зампред грозненского горисполкома) лица оформили соответствующим образом документы, свидетельствующие: в момент вымогательства Руслан, Хожа и Гена Шрам находились в родном Грозном и исправно посещали мечеть. Не остались без внимания и потерпевший с родственниками. Члены группировки устроили слежку за кооператором, постоянно преследовали и несколько раз останавливали его машину на улице, предлагали любую сумму откупного за изменение показаний. С угрозами бандиты приезжали даже домой к кооператору в Уваровку.

Сыщики МУРа вынуждены были взять потерпевшего и свидетелей под круглосуточную охрану. Позже Дащян признался: «Знал бы, чего это будет стоить, ни за что бы в милицию не обратился». Как бы то ни было, усилиями сыщиков и следователя Анатолия Грешнова дело удалось довести до конца. Однако, как показали дальнейшие события, долго страдать задержанным не пришлось.

Суд вынес относительно мягкое, учитывая личности обвиняемых и их социальную опасность, наказание – по восемь лет лишения свободы. Но и оно вскоре было практически аннулировано. Благодаря высоким ходатаям из бывшего Верховного Совета Союза, кампании в центральной прессе в защиту «оклеветанных», а также «понимающим» людям в Верховном Суде бывшего СССР сначала Нухаев, а затем и его подельники вышли на свободу. Приговор суда был пересмотрен. Более того, само многотомное уголовное дело потерялось при загадочных обстоятельствах по пути из Москворецкого суда в Верховный.

По-разному складывалась судьба авторитетов после освобождения. Общее все же было – каждый встречался как герой и снабжался необходимым для успешного старта в новых экономических условиях. Гена Шрам, например, по эквиваленту уголовного мира имел нечто вроде статуса пенсионера союзного значения. Он пользовался уважением представителей чеченской группировки, контактировал с ворами в законе, а по некоторым сведениям, содержал воровской общак. Последнее обстоятельство, по мнению оперативников, стало

причиной гибели Лобжанидзе в последний день лета 1994 года.

Киллеры действовали в лучших традициях гангстерских боевиков. Когда около одиннадцати ночи роскошный белый «линкольн» Гены Шрама подкатил к дому 39 по Свободному проспекту, его заблокировали два автомобиля. Из них выскочили молодые парни и, подбежав к лимузину, открыли стрельбу. Пули летели с двух сторон, сидевший за рулем Лобжанидзе оказался под перекрестным огнем. Один из киллеров стрелял через заднее стекло, от которого позже остались лишь осколки по краям, а другой – вел прицельный огонь в упор со стороны водительской двери. Гена Шрам получил ранения в шею, спину и левый бок и скончался на месте. Убийцы же, удостоверившись, что жертва признаков жизни не подает, сели в автомобили и исчезли в ночи. Прибывшие на место происшествия оперативники обнаружили рядом с «линкольном» шесть стреляных гильз, два пистолета Макарова, заботливо положенных в полиэтиленовые пакеты, и две пары резиновых перчаток.

Стрелявшие выполняли заказ и караулили Лобжанидзе давно. Стрельба, по свидетельству жильцов дома, началась в 23:05. Никто не успел рассмотреть ни преступников, ни марки их автомобилей. Ничего не принес введенный в действие дежурным по городу Петровки, 38 оперативный план «Перехват», не помог и розыск киллеров по горячим следам. Интересные факты выяснились позже, в ходе дальнейшего расследования.

Сыщики, быстро «проколовшие» номера в телефонной книжке Лобжанидзе, никаких высоких завязок не нашли. Не исключено, что Гена Шрам важные телефоны бумаге не доверял – помнил их наизусть. По некоторым данным, он контролировал несколько коммерческих точек в Москве и ближайшем Подмосковье. Был он косвенно связан с фирмой «Ланако», название которой несколько раз встречалось в оперативных документах в связи с вооруженными стычками между чеченскими боевиками и представителями тульской группировки. Во время одной из перестрелок, по оперативным данным, погибло семь человек. Обнаружить тела всех пострадавших так и не удалось. Участники разборки вывезли их с поля брани. Изрешеченное пулями тело туляка Гришина, завернутое в плащ-палатку, дружки до больницы так и не довезли – бросили у гаражей на Малой Ботанической улице.

Расследовавшие убийство Гены Шрама рисовали любопытные схемы, где встречались имена чеченских авторитетов братьев Натаевых, Лечи Лысого, Лечи Бороды, известных грузинских воров в законе Гиви Берадзе, Вольтера, братьев

Амирана и Отари Квантришвили. Хотя Лобжанидзе не претендовал на первые роли (все-таки пятьдесят два года и четыре «ходки» не прошли бесследно), он, несомненно, оставался заметной фигурой в криминальном мире. По оперативным данным, он причастен к таинственной истории освобождения из дудаевского плена офицера российской контрразведки Крылова накануне начала боевых действий между Грозным и Москвой. В комбинации, по некоторым сведениям, были задействованы деньги общака, который держал Гена Шрам. Впрочем, детали случившегося вряд ли когда-нибудь станут известны широкой публике.

Жизнь Атлангериева поначалу складывалась куда успешнее. После пересмотра дела и досрочного освобождения он жил в Чечне, затем вернулся в столицу и занялся бизнесом. Помощь ему оказывали и земляки, для кого он стал еще большим авторитетом, и давно обосновавшийся в Европе брат. (Туда, по мнению оперативников, и ушли колоссальные деньги «лазанской» группировки.) Руслан контролировал два банка и несколько коммерческих структур. Его карьера бизнесмена длилась недолго. Летом 1995 года спецслужбы провели в Москве серию превентивных операций против лидеров преступной среды. Мовлади Атлангериев был задержан за незаконное хранение оружия и оказался на нарах знакомой ему Бутырки.

Самый удачный выбор сделал Нухаев. Он вернулся в Грозный, скупил за бесценок в период принудительной «чеченизации» несколько домов, городской рынок, бывший Дом офицеров и занимал весьма высокий пост в окружении генерала Дудаева. Сейчас от недвижимости Хожи, вероятно, остались только развалины. Но можно не сомневаться, что вложил он туда не последнее, для «черного дня» им наверняка была приготовлена кругленькая сумма на счетах какого-нибудь солидного европейского банка. Этим объясняется его отъезд из сражающейся Чечни в соседнюю Турцию, где Нухаев постоянно находится с лета 1995 года.

После гибели Гены Шрама и ареста Руслана «лазанская» группировка фактически была обезглавлена и ушла в тень. Но говорить об окончательном разгроме преждевременно – остались люди и немалые деньги. К тому же речь идет об одном из «филиалов» могущественной чеченской преступной группировки, лидеры которой всегда отличались умением держаться на плаву даже в период самых бурных политических и экономических потрясений.

Кавказ покоряет Москву

Ни одно криминальное сообщество никогда не наводило такой ужас на москвичей, как преступная группировка – чеченская община. Даже сегодня, когда большинство ее лидеров задержано милицией или погибло в ходе бандитских разборок, многие коммерсанты и финансисты при упоминании о чеченцах заметно мрачнеют, а простые, далекие от бизнеса граждане считают их всесильной и непобедимой мафией.

С этим можно поспорить. Однако есть аргументы, против которых оппонентам выставить будет нечего. Представители малочисленного кавказского народа за короткий срок сумели стать самой мощной криминальной организацией столицы огромной советской империи. Они контролировали большую часть кооперативного движения при его зарождении, а позже стали самыми удачливыми и квалифицированными рэкетирами. Чеченцы первыми, в совершенстве овладев искусством предоставлять крышу коммерсантам и облагать налогом торговлю, переключились на изготовление фальшивых авизовок – вид преступления, долгое время выпадавший из поля зрения правоохранительных органов и стоивший государству, даже по самым скромным прикидкам, десятки триллионов. Пионерами чеченские группировки были и в другом виде бизнеса – создании банков – «летучих голландцев». И это изобретение принесло общине фантастические прибыли. Не чеченцы первыми начали торговать стратегическими металлами, нефтепродуктами и оружием. Но когда подключились они, им не было равных. Нельзя найти вид криминальной деятельности, где представители группировки не попробовали бы силы. Везде они если и не оказывались лидерами, то обязательно достигали успеха. По существу, история организованной преступности в Москве, да и в целом по России писалась представителями чеченских криминальных сообществ.

Первые выходцы из Чечни, профессионально занимающиеся совершением преступлений, появились в столице в 1983 году. С ведома перекупщиков-азербайджанцев, специализирующихся на торговле популярными в мусульманском мире товарами – коврами, платками из панбархата и варсавана, – они обосновывались около ресторана «Узбекистан», а позже составили костяк

центральной группировки общины.

В это же время у магазина «Автомобили» в Южном порту начали действовать будущие лидеры, молодые, физические крепкие чеченцы Сулейманов и Альтимиров. «Прописку» в хлебном месте устроил им хорошо известный московской милиции профессиональный мошенник Крапивин.

Из агентурного сообщения: «В районе стихийного рынка автомобилей Крапивин познакомился с чеченцем по кличке Малик. Тот позже свел его с Николаем Сулеймановым по кличке Хоза, а также с Альтимировым, Гелани, Майербек, Кюри, Алеханом и другими. Многие из них являются братьями или состоят в родстве. Они выразили согласие заниматься грабежами и разбоями отношении продавцов автомобилей. Группу возглавил Хоза, он же организовал сбор денежного налога с армян-мошенников, участвующих в посреднических сделках при купле-продаже.

В начале года Алехан, Майербек и Хоза на полном ходу выбросили из ГАЗ-24 хозяина, хотевшего эту машину продать. Зимой 1984 года в Котовске Тамбовской области при попытке отобрать автомобиль ГАЗ-24 Крапивин, Гелани и Альтимиров были задержаны милицией. Через трое суток Крапивин и Гелани вышли, а Альтимирова арестовали. Обвинение Альтимиров признал, но через 45 суток был выпущен на свободу. Как он рассказал Крапивину, его отпустили за взятку, переданную людьми из Грозного в местное ОВД».

В 1983 году московская милиция провела серию арестов в азербайджанской преступной группе, имевшей связи в нескольких районных управлениях внутренних дел. Позиции азербайджанцев ослабели, чем быстро воспользовались представители чеченской общины. Они вытеснили азербайджанцев из «Узбекистана» и перехватили их коррумпированные связи в милиции. Усиливал позиции в Южном порту Сулейманов. Его группировка к концу 1988 года насчитывала более 50 боевиков. Каждая проданная или «кинутая» машина облагалась данью. Хоза Сулейманов взял под контроль так называемую «фирменную», а официально одиннадцатую секцию магазина «Автомобили», через которую оформлялись иномарки. Сулейманов полностью подчинил себе перекупщиков всех национальностей.

Третье крыло общины возникло на севере Москвы, где отстаивались фуры междугородних перевозок, проезжавшие транзитом через столицу в Чечено-Ингушетию. Постепенно наладилась связь между торговцами центральной

группировки и водителями. Скоро была отработана поставка трейлерами мебельных гарнитуров, автомобилей и запчастей, дефицитного товара, продуктов питания, радиотехники и холодильников на Кавказ. Объемы перевозок стали настолько велики, что часть чеченцев перебралась из «Узбекистана» в Останкино ближе к автоделу. Появилось останкинское крыло общины.

В конце 1988 года вернувшиеся после отбытия наказания авторитеты Атлангериев и Нухаев – молодые, честолюбивые и обладавшие организаторскими способностями недоучившиеся студенты – начали активно проповедовать теорию захвата территорий. Они обложили налогом «на охрану» значительную часть столичного криминального бизнеса и только появившиеся в огромном количестве кооперативы. Без борьбы с уже поделившимися между собой Москву группировками – солнцевской, люберецкой, подольской, балашихинской – обойтись было нельзя. Эти обстоятельства способствовали объединению по национальному признаку разрозненных и редко контактировавших чеченских кланов. Атлангериев, Нухаев и привлеченные к сотрудничеству Сулейманов, Альтимиров и Таларов (ставший впоследствии уважаемым казначеем общины) создали единую систему боевых групп, опекавших конкретные районы города и способных быстро собраться вместе по сигналу тревоги.

В течение 1988–1989 годов объединенные силы общины провели около двадцати сражений с московскими бандформированиями и разрозненными малочисленными группировками. Община выставляла от 20 до 80 боевиков, в зависимости от серьезности противника. Чеченцы активно привлекали к защите «национальных интересов» земляков из столичных вузов и училищ. Было убито четыре и ранено более 30 противников, в то время как со стороны общины серьезно пострадавших не оказывалось.

Попытки московских группировок, в частности люберецкой, отобрать «Узбекистан» и изменить расстановку сил превращались в разборки с поножовщиной и стрельбой, авторитет же чеченцев возрастал. Так же, как и число их боевиков. Лидеры регулярно совершали показательные вылазки, чтобы подчиненные не теряли форму, а московские бандиты не забывали, «кто в доме хозяин»... Боевики общины буквально растоптали гремевшую на всю Москву бауманскую команду. В декабре 1988 года около 30 чеченцев ворвались в ресторан «Лабиринт» на Калининском проспекте, где любили коротать вечера бауманцы. Стремительное нападение предопределило итог – ножевые ранения нанесены лидерам команды Севастьянову, Базлову, Бабаеву и Добрикову, другие

получили травмы головы. Милиция смогла лишь оперативными методами установить имена инициаторов нападения. Это были авторитеты общины Атлангериев, Нухаев, Ахмадов, Абаев, а также боевики Висаитов, Мизиев, Малидов, Тарамов и другие. Никому из них предъявить обвинение так и не удалось, так же как и допросить раненых – они скрылись из больниц.

После тяжелого поражения в «Лабиринте» бауманцы приуныли. Чеченцы фактически отстраняли их от получения солидного наvara с ряда опекаемых объектов. За справедливостью лидеры бауманской команды обратились к третейским судьям криминального мира столицы – вора в законе. Те обещали помочь, так как переадресовка рэкетирского налога крепко была по поступлениям в воровской общак. Ничего хорошего миротворческая миссия законников не принесла.

Из оперативного сообщения: «22.01.88 г. группа воров в законе из 10-12 человек встретила с лидерами чеченской общины, среди которых был Сулейманов, в кафе „Аист“ на Большой Бронной улице. Воры в резкой форме стали объяснять чеченцам, кто является настоящим хозяином Москвы. Один из представителей общины тайно позвонил ресторан „Узбекистан“ и попросил срочно прислать подмогу. Но помощь не понадобилась. Невзирая на численное меньшинство чеченцы схватились за оружие и напали на воров. Вскоре прибыло подкрепление – 10-12 боевиков общины. Воры вынуждены были отступить, а законники Джалалаянц и Калашев-Шакро получили серьезные ножевые ранения. Заявления в милиции никто не оставлял, расследованием не установлено ни одного очевидца или свидетеля. Об участии поножовщине Сулейманова стало известно только потому, что во время драки он выронил паспорт. На следующий день документ был возвращен владельцу официантом „Аиста“».

Маховик боевой машины чеченцев раскручивался. Лидеры общины почувствовали силу и решили закреплять успех. Не случайно еще в 1988 году, когда воры и лидеры преступных кланов на сходке в гостиничном комплексе «Дагомыс» пытались полюбовно поделить лакомый для всех столичный «пирог», чеченцы проигнорировали переговоры. «Мы сами завоюем Москву, как это сделали сицилийцы с Нью-Йорком», – заявили их представители.

За беспределом в «Аисте» последовала показательная акция в отношении членов люберецкой группировки, несших «боевую вахту» у кафе «Атриум» на Ленинском проспекте. Результат – трое люберецких получили ножевые ранения,

двое из них, в тяжелом состоянии, поступили в Институт скорой помощи Склифосовского... Около 60 боевиков совершили массовое избиение цыган, торговавших без «их лицензии» на территории самого большого в то время Рижского вещевого рынка. И вновь никаких жалоб в милицию.

Тактика чеченской общины строилась на проверенном способе воздействия. Жертвы, запуганные свирепыми боевиками, шли в «отказ», свидетели делали вид, что ничего не видели. В оперативных документах легко найти сотни случаев вымогательств, избиений, пыток, разбоев, угонов автомобилей, но доведенные до логического завершения – суда – уголовные дела можно пересчитать по пальцам. Это каждый раз требовало от правоохранительных структур дополнительных затрат – круглосуточной охраны свидетелей и потерпевших, личного мужества сотрудников. Следователя, работавшего по делу «лазанской» группировки, ее лидер ласково предупредил: «И что вы усердствуете? Я ведь все равно скоро выйду, зачем нам ссориться?» Самое интересное, что чеченец был прав. Не отсидев четверти срока, определенного ему судом, он благополучно вышел на свободу и продолжил «наше дело»...

О «лазанской» группировке, под которой ходили кооператоры, шашлычники, торговцы цветами и воры-домушники, следует добавить еще несколько слов. Кассир группировки, по кличке Женя Люберецкий, собирал дань с кооператоров и индивидуалов в крупнейшем московском парке имени Горького. У него была своя скамейка, где по определенным дням он принимал деньги от обложенных налогом торговцев. Брал Женя Люберецкий только «сухим листом» – купюрами не ниже «червонца». Иногда присылал вместо себя рядового боевика общины по кличке Макс.

Из показаний коменданта парка Б. Полея, проходившего по делу свидетелем: «Ходило много слухов о чеченцах и их нравах. Я очень боялся за себя и семью. Сопротивляться было бессмысленно. Чеченцы везде расставили своих людей, которые числились на зарплате. В видеосалоне кафе „Времена года“ оборудовали специальную комнату, где всегда сидела „скорая помощь“ – два-три боевика. Они готовы были по первому требованию разобраться с неплательщиками. Известны были и тарифы. Налогом обложили игральные автоматы, звукозапись, аттракционы, даже осликов, на которых катали детей».

О доходах «лазанцев» можно судить по такому факту. На кармане у лидера группировки Атлангериева, по свидетельству оперативников, всегда было не

менее 100 тысяч рублей. Напомню, что речь идет о времени, когда стоимость престижной модели «Жигулей», даже по ценам черного рынка, не превышала десять тысяч.

Чеченская община взяла под контроль Тимирязевский, Дзержинский, Кировский, Свердловский, Бабушкинский районы Москвы. Ее присутствие ощущалось и в других частях столицы. Южнопортовая группировка расширила влияние и захватила станции технического обслуживания на Хорошевском шоссе и в Нагатино. Боевики опекали мебельные и хозяйственные магазины, рынки, валютных проституток, игроков в наперсток и три карты. Кооператоры панически боялись попасть «под чеченцев», община все чаще привлекала внимание оперативных служб, но существование чеченского клана в криминальном мире столицы неохотно признавалось руководством милиции. Этому способствовала политическая ситуация в стране – реформирование коммунистического режима, обнародование документов о массовой принудительной депортации чеченцев при Сталине и притеснениях в последующий период. Мешало реальной оценке ситуации появление на политической арене лидера-чеченца Руслана Хасбулатова. Всякое упоминание о группировке вызывало недовольствие «демократической общественности» с высоких трибун и опровержения в средствах массовой информации.

К началу 90-х годов относится пик зримого могущества чеченского криминального клана. Именно зримого, потому что, как показали дальнейшие события, умение адаптироваться в новых условиях позволило лидерам общины уйти в тень, не потеряв при этом ни влияния, ни авторитета.

Чем же объяснить «чеченский феномен»? Конечно же не схемой восхождения на криминальный Олимп столицы, составленной по уже свершившимся фактам. Почему, например, лидером не стала азербайджанская, грузинская или казанская группировка, каждая из которых имела не менее обширные и влиятельные связи в Москве и высоких покровителей наверху? На эти вопросы предстоит ответить историкам-криминологам. И то не скоро – многие документы вряд ли в ближайшее время будут доступны для непосвященных, как и объяснение геополитических метаморфоз на востоке бывшей советской империи. Непонятное с позиций здравого смысла укрепление антироссийского диктаторского режима Дудаева, варварская по отношению к собственным национальным интересам политика Центрального банка и Министерства финансов России, беспомощность и безынициативность спецслужб, допустивших

возникновение криминального заповедника в стратегически важном районе страны, наконец, бессмысленная и разлагающая остатки армии и общественного правосознания война в Чечне...

Тем не менее некоторые соображения о причинах лидерства группировки высказать стоит. Чеченцы жили на пространстве от реки Терек до отрогов Главного Кавказского хребта общинно-родовым строем, строго подчиняясь старейшинам тейпов. Природа Северо-Восточного Кавказа более сурова, чем в других районах, и чеченцы постоянно ощущали нехватку пригодной для хлебопашества и разведения скота земли. В семьях существовал обычай – дом и хозяйство отец оставлял старшему сыну. Остальные сыновья уходили из дома. (Это не исключало взаимопомощь и поддержку родственников.) Оставшиеся без земли и средств молодые горцы собирались в вооруженные группы и совершали набеги на соседей – как за Терек к русским, так и на юг. Родовые старшины одобряли такой образ жизни. На молодцов-джигитов, добывающих себе хлеб набегами, смотрели как на национальных героев, сохраняя память о них в народных песнях и легендах. Любопытно, что в Большой энциклопедии С. Южакова, изданной в 1896 году товариществом «Просвещение», в статье о чеченцах есть такая строчка: «До сих пор воровство и грабежи считаются только удалью». Характеристика, мягко говоря, не слишком лестная, во многом объясняется историей покорения Кавказа Россией.

Завоевать Северный Кавказ царским войскам удалось только после проведенной генералом Ермоловым тактики выжженной земли, принесшей чеченцам разорение аулов и гибель тысяч семей. Стремление горцев к независимости не исчезло и после того, как в России, в окружении семи жен и сотен дарованных самодержцем крепостных, скончался Шамиль. Понятно, что взаимоотношения между сталинско-советской Россией и Чечней лишь закрепили ненависть горцев к русским, о которой написал еще Лев Толстой в повести «Хаджи-Мурат».

Вспоминая несправедливости в отношении чеченцев после окончания Великой Отечественной войны, часто приводят число чеченцев, ставших Героями Советского Союза. Но никто не пишет о согласившихся добровольно сотрудничать с фашистским режимом и вступивших в армию генерала-предателя Власова. А ведь это такая же объективная реальность, как кровавые войны царской России. Нет оправдания выселению Сталиным 400 тысяч чеченцев в резервации на территории пустынь Казахстана. Согласитесь, за что чеченцам любить русских? Поэтому появление криминальных лидеров, оправдывающих, точнее, сделавших своим знаменем идею национального

возрождения, вполне естественно. Под такими же лозунгами впоследствии Дудаев и его окружение проводили геноцид российских граждан в Грозном и других городах Чечни.

Целенаправленная многолетняя политика экспорта уголовщины в Россию и Москву, как самый богатый город, последовательно велась чеченской верхушкой с 1989 года. Реальное тому подтверждение – защита общины с помощью откровенно заказных публикаций и выступлений на телевидении, прессинг правоохранительных органов со стороны депутатов-чеченцев различного уровня и их общественных организаций. Окончательно же маска добропорядочности дудаевского режима была сброшена после тщательно спланированной акции по освобождению Нухаева и Атлангериева. Затем появились чеченские авизовки и банки, финансовые пирамиды, зарегистрированные общиной на подставных лиц, чемоданы фальшивых акций и денежных купюр, изготовленных в Грозном. Чечня оставалась верна традициям: по законам шариата обогащаться за счет соседей-иноверцев не зазорно, а даже почетно.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Здесь и далее упоминание дат относится к первому изданию 1996 года.

Купити: https://tellnovel.com/modestov_nikolay/moskva-banditskaya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)